

Владимир Семенович Высоцкий

Мой Гамлет

Я только малость объясню в стихе —
На всё я не имею полномочий...
Я был зачат, как нужно, во грехе —
В поту и в нервах первой брачной ночи. Я знал, что, отрываясь от земли,
Чем выше мы, тем жёстче и суровой;
Я шёл спокойно — прямо в короли
И вёл себя наследным принцем крови. Я знал — всё будет так, как я хочу.
Я не бывал внакладе и в уроне.
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы — короне. Не думал я над тем, что говорю,
И с лёгкостью слова бросал на ветер.
Мне верили и так, как главарю,
Все высокопоставленные дети. Пугались нас ночные сторожа,
Как оспою, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучил стремями. Я знал — мне будет сказано: «Царуй!» —
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжег.
И я пьянел среди чеканных сбруй,
Был терпелив к насилью слов и книжек. Я улыбаться мог одним лишь ртом,
А тайный взгляд, когда он зол и горек,
Умел скрывать, воспитанный шутком.
Шут мёртв теперь: «Аминь!» Бедняга Ёрик!.. Но отказался я от дележа
Наград, добычи, славы, привилегий:
Вдруг стало жаль мне мёртвого пажа,
Я объезжал зелёные побеги... Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых и гончих,
Я от подранка гнал коня назад

И плетью бил загонщиков и ловчих. Я видел — наши игры с каждым днём
Всё больше походили на бесчинства.
В проточных водах по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства. Я прозревал, глупея с каждым днём,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век и люди в нём
Не нравились. И я зарылся в книги. Мой мозг, до знаний жадный как паук,
Всё постигал: неподвижность и движение, —
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду — им опровержение. С друзьями детства перетёрлась нить.
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами — «быть, не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой. Но вечно, вечно плещет море бед,
В него мы стрелы мечем — в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса. Зов предков слыша сквозь затихший гул,
Пошёл на зов, — сомненья крались с тылу,
Груз тяжких дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу. В непрочный сплав меня спаяли дни
—
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все. И, как они,
Я не сумел от мести отказаться. А мой подъём пред смертью есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравнивал
С тем, с кем я лёг в одну и ту же землю. Я Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на Датскую корону, —
Но в их глазах — за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону. А гениальный всплеск похож на бред,
В рожденье смерть проглядывает косо.

А мы всё ставим каверзный ответ

И не находим нужного вопроса.

1972 г.